
УДК 316.347(470.6)

ББК 60.545.1(235.7)

Н 14

Л.В. Набокова,

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, преподаватель высшей квалификационной категории Майковского государственного гуманитарно-технического колледжа Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-909-469-78-25

Шапсугский субэтнос в социокультурном пространстве России (Рецензирована)

Аннотация. В статье раскрываются социокультурные особенности становления шапсугского субэтноса в исторической ретроспективе, определяются параметры самоидентификации причерноморских шапсугов, их интегрированность в современном полиэтничном социуме. Отмечается определенная связь причерноморских шапсугов с традиционной культурой. В начале XXI века на территории компактного проживания шапсугов рекультивируются элементы традиционной культуры посредством открытия частных музеев.

Ключевые слова: шапсуги, субэтнос, социокультурное пространство, самоидентификация, традиционная культура, примирение сторон (зэгъэшлужь).

L.V. Nabokova,

Applicant for Candidate's degree of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University, teacher of the highest qualification category of Maikop State Humanities and Technical College of the Adyghe State University, Maikop, ph.: 8-909-469-78-25

The Shapsug subethnos in sociocultural space of Russia

Abstract. The paper discloses sociocultural features of formation of the Shapsug subethnos in a historical retrospective. The author defines parameters of self-identification of the Black Sea Shapsugs, their integration in modern multiethnic society. A certain link of the Black Sea Shapsugs with traditional culture is noted. At the beginning of the 21st century, in the territory of compact accommodation of Shapsugs, elements of traditional culture are recultivated by means of opening private museums.

Keywords: Shapsugs, subethnos, sociocultural space, self-identification, traditional culture, reconciliation of the sides (zegeshluzh).

Шапсуги — субэтническая группа адыгов коренного населения Черноморского побережья Кавказа. В первой половине 19 в. шапсуги были самым многочисленным субэтносом адыгов. Они жили как на северных, так и на южных склонах Большого Кавказского хребта. Большая часть шапсугов проживала в бассейне р. Кубани, занимая территорию между р. Адагум на западе и р. Афипис на востоке, т.е. в Большом Шапсуге. Причерноморские шапсуги населяли пространство между река-

ми Джубга на северо-западе и Шахе на юго-востоке (Малый Шапсуг), где их аулы были смешаны с убыхскими. На северо-западе от шапсугов проживали натухайцы.

В настоящее время общая численность шапсугов составляет 10 тысяч человек. Они компактно проживают в 13 населенных пунктах г. Сочи, Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края и в 4-х аулах Республики Адыгея. Многочисленная диаспора причерноморских адыгов

расселена в странах Ближнего Востока: Турции, Сирии, Иордании, Израиле. Шапсугский язык относится к западно-кавказской (адыго-абазинско-абхазской) ветви северокавказской языковой семьи.

Авторское исследование охватывает непосредственно причерноморских шапсугов. Это объясняется тем, что они оказались изолированными от этнокультурной составляющей всего адыгского массива. В силу этого особый интерес представляет проблема сохранения социокультурного пространства причерноморских шапсугов.

За годы советской власти причерноморские шапсуги лишь дважды стали объектом изучения этнографов: в 1930-е годы, когда к ним приезжали Л.И.Лавров и студенты МГУ во главе с С.А.Токаревым [2,3], и в 1960 г., когда религиозные пережитки шапсугов исследовала Я.С.Смирнова [4]. В 1990-е годы шапсугам повезло больше: их жизнь, традиции и культуру начали изучать этнографы из Петербурга и Краснодара [1,5,7]. Социологические исследования, где объектом изучения являются причерноморские шапсуги, на сегодняшний день не проводились.

На процесс сохранения социокультурного пространства причерноморских шапсугов повлияла национальная политика СССР. В 1924 году был организован Шапсугский национальный район, в который вошли 10 шапсугских поселений, выделенных из Туапсинского района. По сведениям на 1925 г., численность населения района составила 3720 человек, из них шапсугов 33 двора. В 1934г. Шапсугскому району из Туапсинского был передан Лазаревский сельсовет и село Лазаревское, ставшее районным центром.

В 1940 г. Шапсугский район, как национальный, фактически был ликвидирован: из него были исключены 2 сельских совета, населенных шапсугами. В связи с указанными действиями уже в 1942 г. шапсуги насчитывали 4 тыс. человек из 17,5 тыс. жителей Шапсугского национального района. В 1943 г. Шапсугский район был переименован в Лазаревский.

В 1990-е годы, на волне национального возрождения, общественная организация «Адыгэ Хасэ» поднимала вопросы, волнующие малочисленный этнос. В рамках «Договора о дружбе» и сотрудничестве между Краснодарским краем и Республикой Адыгеей администрацией Краснодарского края было принято постановление о разработке государственной программы национального развития шапсугского этноса [12]. Благодаря содействию бывших руководителей губернатора Краснодарского края Н.И. Кондратенко и Президента Республики Адыгея А.А. Джаримова, впервые за всю историю в бюджете Краснодарского края с 1999г. отдельной строкой были заложены финансовые средства на реализацию программы национально-культурного и социально-экономического развития причерноморских адыгов — шапсугов. Значительную финансовую поддержку получили ансамбль народного танца «Шапсугия» и газета «Шапсугия». В поселке Лазаревском был открыт филиал Адыгейского государственного университета из 6 факультетов, среди которых факультет по подготовке преподавателей родного языка. В том же поселке существует корреспондентский пункт ГТРК Республики Адыгея, который открывает широкие перспективы информационного обмена между РА и обширным регионом Краснодарского края.

Благодаря поддержке администрации Краснодарского края, шапсуги в марте 2000 года были внесены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ [13], что распространяет на них действие Федерального Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» от 12 мая 1992 года за №82.

Этническому самосознанию шапсугов свойственна определенная консервативность. Это признают и сами носители этнических установок. На это существуют определенные причины и другого рода. Первая из них имеет генетическую природу, уходящую корнями в традиции мужских бесед в моменты досуга, а также в традицион-

ные установки мужского речевого поведения, в котором искусство оратора, умевшего выстроить речь от общего к конкретному, ценилась очень высоко [1]. Вторая состоит в том, что принадлежность Шапсугии к курортной зоне и региону развитого туризма сделала нормой повседневной жизни общение с приезжими, туристами и отдыхающими. Нет нужды говорить о том, что данная категория людей заинтересована в экзотике как элементе развлечения, но бывает оскорбительно равнодушна к настоящим проявлениям национальной культуры. Благожелательность к человеку, как и потребность защиты традиционных этнических ценностей от бесцеремонных приезжих, стимулировали развитие специфической зоны этикета, где общение происходит в области метагуманитарных представлений и этнически нейтральных рассуждений.

Межэтническое взаимодействие продолжает стимулироваться притоком отдыхающих и реализуется в удивительных феноменах урбанизированных форм представления этнических ценностей внешнему миру. Речь идет о возникновении в Шапсугии частных музеев, созданных отдельными личностями. Один из них организован в а. Тхагапш на базе семейной усадьбы, принадлежащей фамилии Чачух. В ней несколько частей, собственно усадьба, состоящая из жилого, гостевого и хозяйственных помещений, витрина археологических находок, кухня-ресторан с национальными блюдами и домик шапсугского образца.

Второй музей создается в Лазаревском профессиональным каменотесом по фамилии Нибо, выходцем из а. Калеж. В нем преобладают искусственные объекты, большинство из которых являются моделями известных памятников мировой культуры — древнеегипетской, мезоамериканской, полинезийской и пр. В образованный таким образом экспозиционный ряд включаются как модель дольмена — мегалитической гробницы, относящийся к бронзовому веку Черноморья, так и шапсугский дом. Налицо отражение в материальных объектах древнего на-

ционального декора шапсугской культуры.

Особый интерес представляют аспекты самоидентификации причерноморских шапсугов и их понимания сохранения своего социокультурного пространства.

Это обстоятельство послужило проведению эмпирического социологического исследования. Опросом были охвачены территории с традиционным компактным проживанием причерноморских шапсугов: Псыбэ, Новомихайловка, Туапсе, Цыпка, Большое Псеушхо, Головинка, Большой Кичмай, Лазаревское, Дагомыс. Исследованием были охвачены все возрастные группы.

В ходе опроса выяснилось, что подавляющее большинство причерноморских шапсугов идентифицируют себя как адыги. На вопрос *Ваша самоидентификация* 60% ответили адыг (черкес) и 40% адыг-шапсуг. При этом 100% опрошенных уверены в том, что шапсуги отличались и отличаются от остальных адыгов. В качестве отличительных позиций названы: диалект, мировоззрение, религия и обычаи. Причем, если диалект и мировоззрение указаны всеми 100 % респондентами, то религию и обычаи 30%.

Попытка выявить, какие именно традиции и обычаи были присущи именно шапсугам, показала, что в настоящее время подавляющее большинство не владеет этими знаниями, 80% перечислили общеадыгские традиции и обычаи, а 20 % указали, что есть собственно шапсугские традиции и обычаи, но «перечислить их пока не могут».

Также проведенный опрос показал, что в исторической памяти абсолютного большинства шапсугов сохранилось представление о культуре садоводства. Хотя при этом смогли перечислить лишь небольшой пласт собственных сортов винограда, яблок и груш.

Факт отличия шапсугских усадеб от других адыгских усадеб помнят 30%, 60% затруднились ответить и 10% считают, что отличий нет.

В целом в результате опроса выявилось, что большинство причерномор-

ских шапсугов осознают необходимость сохранения традиционных устоев этноса. И большая роль, по мнению большинства, в этом вопросе принадлежит возрождению и развитию традиционной многодетной семьи (90%) и восстановлению и функционированию шапсугского национального района (70%). Необходимо отметить что среди молодежи, преимущественно женской, и части лиц старшего поколения при общем принятии незыблемости национальных обычаев часть установок оценили как необязательные. К их числу они отнесли необходимость сохранения национальных элементов в жилище и одежде, национальный костюм оценили как архаическое явление или как предмет экипировки танцевальных ансамблей. В данной категории опрошенных принято мнение, что национальные традиции равноценны современным, что, в частности, нашло отражение в признании равноценности городского и национального вариантов свадебного обряда. В то же время и в этой группе наличествует мнение об эстетическом преимуществе традиционной обрядности над современной.

Безусловно, положительную оценку имеют все аспекты традиционного природопользования. Все респонденты разделяют положение о том, что особенность традиционной шапсугской агрокультуры и скотоводства и особо пчеловодства достойны распространения среди всего многонационального населения Черноморья как адекватные характеру местной природы. Люди старшего поколения помнят и скотопроектные маршруты. Абсолютно всеми признаются ценности гостеприимства, гендерной и возрастной субординации, высокая значимость народных обрядов. Сокращение сферы народной обрядности считается одной из причин оскудения современной жизни. До 85% опрошенных полагают, что жизнь в прошлом была интереснее настоящей, что свидетельствует о сильной ретроориентации сознания шапсугов.

Традиционно высока включенность шапсугов в дела своего общества. В этом наблюдается социокультурная

преемственность. Как показал опрос, 88% у большинства причерноморских шапсугов наблюдается высокий уровень социально-политической активности своего общества в дороссийский период.

Характеризуя свою социально-политическую позицию в современном обществе 67% респондентов указали, что она высокая, 27% опрошенных охарактеризовали её как низкую и 6% — определили как среднюю.

Особенно степень активности видна в местах компактного проживания причерноморских шапсугов и, прежде всего, в регулировании бытовых конфликтов. Например, в современных шапсугских селениях часто случаются кражи, в первую очередь, фундука, кур или коз. В настоящее время кражи стали совершаться у своих же сельчан, что, безусловно, является отражением тяжелого экономического положения.

Согласно шапсугским правовым традициям, если в селении произошло воровство и вор известен, то обычно проводится собрание, на котором присутствуют стороны виновного и потерпевшего. Сельчане сначала позорят вора, а затем принимают решение о «взятии вора на поруки». Иногда сам потерпевший говорит вору: «верни украденное, а то я буду судиться с тобой». Если тот возвращал, то не бывало ни сельского собрания с осуждением виновного, ни судебного разбирательства. Надо сказать, что сельская ответственность до сих пор играет некоторую роль в ограничении воровства [10].

Так, по сообщению информаторов, в селе Б. Кичмай в начале 1990-х годов начались кражи бензина, магнитофонов из домов, которые по-прежнему не закрываются. Сельчане провели расследование и выяснили, что крадут жители черноморского побережья. Сельчане быстро навели порядок, и кражи прекратились. В шапсугских селениях случаются и драки. В этих случаях, сельчане пытались примирить участников ссоры без привлечения правоохранительных органов. Если все же виновный в драке, ранении или краже уже оказался в следственных органах, то

сельчане обращаются туда с просьбой отпустить виновного на поруки.

В современном шапсугском обществе нередки случаи причинения неумышленных ранений или убийств, особенно во время охоты. Опишем некоторые из них. Один случай произошел 10 лет назад в селе М.Кичмай. Друзья, русский и шапсуг, знали одно место в горах, куда заходит медведь. Оба пошли на охоту, не сговариваясь, раздельно. Русский пришел первым, залег, и стал караулить медведя. Когда он услышал шорох, то решил, что это медведь и выстрелил в темноту. Оказалось, что на это место пришел его друг, шапсуг, которого он случайно убил. Или другой случай, происшедший в 1980-е годы. На строительстве крановщик неумышленно краном убил бригадира. Оба — потерпевший и виновный — шапсуги [11].

Обычно при подобных происшествиях происходит примирение — эзъэшлужь. Старшие родственники семьи виновного и потерпевшего идут к родителям потерпевшего. Количество членов делегации не имеет значения, но как правило — по 2-3 уважаемых пожилых человека с каждой стороны. Иногда родственники виновного обращаются к уважаемым (не самым старшим по возрасту) сельчанам с просьбой стать посредниками. Посредники пытаются уговорить родственников потерпевшего или его самого (если он не убит, а только ранен) примириться и не подавать заявление в правоохранительные органы. Сельчане, совет старейшин, главы администрации населенных пунктов также склоняют их к примирению. Если стороны согласились, родственники виновного устраивают угощение, на которое приглашают родственников с обеих сторон.

При неумышленных убийствах виновного иногда судят, иногда нет. Милиция вмешивается только в том случае, если происходит убийство. Виновные в подобных происшествиях обычно присутствуют на похоронах потерпевшего. Вернемся к случаю, когда русский нечаянно убил шапсуга — друга, приняв его за медведя. После слу-

чившегося виновный в убийстве очень переживал, на коленях просил прощения у родственников потерпевшего. Влиятельные люди (шапсуги — родственники потерпевшего), мужчины ходили в дом потерпевшего, выражали соболезнование, приносили свои извинения. Вскоре дело было улажено.

Важно подчеркнуть, что при урегулировании подобных ситуаций, как правило, денежные компенсации не выплачиваются. Это особенность шапсугского общества. Причем, как рассказывали старики, в начале XX в. и в 1920-е годы выплата компенсаций осуществлялась, как правило, скотом. Другая распространенная среди других адыгских групп форма урегулирования конфликтов, а именно — выселение виновного и его семьи за пределы селения, у причерноморских шапсугов не практикуется [8].

Опишем еще один случай. В п.Лазаревском произошла авария: русский насмерть сбил шапсуга-милиционера. Жена потерпевшего (работала судьей в Лазаревском народном суде) и остальные его родственники отказались мириться и потребовали рассмотрения дела в суде. Несколько раз посредники приходили к ним мириться. Для переговоров привлекли знакомых и друзей потерпевшего. Предлагали материальную помощь. Говорили так: «Убитого не вернешь, сколько ни суди». В конце концов уговорили, и дело окончилось примирением.

Иногда примирение затруднительно. Так, в 2000 г. два шапсуга пошли на охоту, один случайно ранил другого в ногу. Потерпевшему пришлось ампутировать ногу. Виновный и потерпевший были из соседних селений. Виновный после случившегося вел себя вызывающе и отказывался помогать потерпевшему. Сельчане осудили виновного за отказ предоставить потерпевшему помощь. Семья потерпевшего подала заявление в народный суд. Было долгое разбирательство в суде. Члены шапсугской общественной организации «Адыгэ Хасэ» пытались вести примирительные переговоры между семьями потерпевшего и виновного. Одна из та-

ких встреч проходила в селении, где проживал потерпевший. На нее собрались члены советов старейшин из двух селений: от потерпевшей семьи 4 чел., от виновной — 2 чел. На встрече было предложено не отдавать дело в народный суд, а возместить потерпевшему материальные затраты. Потерпевший был готов примириться, но потребовал большой размер компенсации. Виновный отказался платить. Дело рассмотрел народный суд. Виновного приговорили к трем годам лишения свободы, но через три месяца по амнистии освободили. Он вернулся обратно в свое родное селение. Между виновным и потерпевшим и их родственниками установились враждебные отношения: они до сих пор не здороваются, стараются не видаться и не общаться [9].

При совершении умышленного убийства, а таковые тоже случаются в шапсугском обществе (например, в селе М.Кичмай внук вместе с друзьями убил свою бабушку), ситуация совершенно иная. Сельчане не только не улаживают подобные конфликты, но подчас сами выдают виновного правоохранительным органам. Обычно виновные в подобных преступлениях даже не пытаются обращаться за помощью в совет старейшин или членам организации «Адыгэ Хасэ». Недавно произошел подобный случай, когда шапсуг, уже ранее судимый, совершил убийство 22-летнего парня. Когда сельчане обнаружили место, в котором преступник укрывался, то выдали его правоохранительным органам. Виновных в умышленных убийствах на похороны потерпевших не пускают, но их родственникам разрешают присутствовать.

При урегулировании сложных ситуаций сохраняются элементы родственной и соседской взаимопомощи. В 1960-е годы в ауле Тхагапш был зафиксирован случай, когда у сельчанина обнаружилась огромная недостача в

магазине, в котором он работал продавцом. Родственники, близкие, все сельчане собирали ему деньги, чтобы освободить его от тюрьмы. Еще один случай произошел совсем недавно. Подросток взял у друга машину марки «мерседес» и попал в серьезную аварию, полностью разбив автомобиль. Его бабушка (подросток — сирота), проживающая в ауле Тхагапш, обратилась к соседям, сельчанам и родственникам с просьбой помочь ей собрать деньги за машину. Помогли не только все сельчане, но даже родственники из Адыгеи и Кубани.

Таким образом, мы можем наблюдать высокий уровень социокультурной активности населения, когда решение вопросов касается традиционных аспектов бытия общества.

Подводя итоги проведенного исследования, можно говорить о том, что у современных причерноморских адыгов сохранился незначительный пласт традиционных ценностей, которые причерноморские шапсуги пытаются сохранить в условиях современной модернизации России. Также наблюдается определенное тяготение к этим традиционным позициям, т.к. они воспринимаются в качестве эталона, обеспечивающего сохранность этноса в современном информационном обществе в условиях глобализации. Кроме того, демократичность и определенная универсальность этих традиций и норм позволяет применять их в современной социально-политической и правовой жизни, что в свою очередь позволяет причерноморским адыгам сохранять некоторую самобытность, оставаясь при этом полноценными гражданами России. Более того, демократичность политической культуры причерноморских шапсугов определенным образом созвучна современным потребностям России в формировании гражданского общества и правового демократического государства.

Примечания:

1. Дмитриев В.Д. О самоопределении причерноморских адыгов (шапсугов) // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1993. С. 23-27.

2. Лавров Л.И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // Советская этнография. 1936. №4-5.

-
3. Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы шапсугской экспедиции 1939 г. / под ред. С.А. Токарева, Е.М. Шиллинга. М., 1940.
 4. Смирнова Я.С. О некоторых религиозных пережитках у причерноморских адыгейцев // Сов. этнография. 1963. №6.
 5. Сивер А.В. Этническая идентификация черноморских адыгов-шапсугов XVIII-XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. С. 30.
 6. Сивер А.В. Шапсуги и проблема восстановления Шапсугского национального района // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999. №1. С. 4-7.
 7. Коробова Н. Адыги-шапсуги: гендер, религия, образование // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999. №1. С. 15-20.
 8. Шапсугия. 1994. №23.
 9. Шапсугия. 1993. №8.
 10. Шапсугия. 1994. №10.
 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shapsugiya.ru/index.php?newsid=3770>
 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law7.ru/adygea/act9a/u540.htm>
 13. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/181870/>

References:

1. Dmitriev V.D. On self-determination of the Black Sea Adyghes (the Shapsugs) // International relations in the conditions of social instability. SPb. 1993. P. 23-27.
2. Lavrov L.I. From the trip to the Black Sea Shapsugiya in summer of 1930 // Soviet ethnography. 1936. No. 4-5.
3. Religious carry-overs of the Circassian Shapsugs. Materials of the Shapsug expedition of 1939 / ed. by S.A. Tokarev, E.M. Shilling. M., 1940.
4. Smirnova Ya.S. On some religious carry-overs of the Black Sea Adyghes // Sov. ethnography. 1963. No. 6.
5. Siver A.V. Ethnic identification of the Black Sea Adyghe Shapsugs of the XVIII-XX centuries): Diss. abstract for the Candidate of history degree. Nalchik, 2001. P. 30.
6. Siver A.V. The Shapsugs and the problem of restoration of the Shapsug national area // The Bulletin of the Center of assistance to development and rights of racial, ethnic and linguistic minorities. Krasnodar, 1999. No. 1. P. 4-7.
7. Korobova N. The Adyghe Shapsugs: gender, religion, education // Bulletin of the Center of assistance to development and rights of racial, ethnic and linguistic minorities. Krasnodar, 1999. No. 1. P. 15-20.
8. Shapsugiya. 1994. No. 23.
9. Shapsugiya. 1993. No. 8.
10. Shapsugiya. 1994. No. 10.
11. [Electronic resource]. URL: <http://www.shapsugiya.ru/index.php?newsid=3770>
12. [Electronic resource]. URL: <http://www.law7.ru/adygea/act9a/u540.htm>
13. [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/181870/>